

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.9.11>

Тарасов Олег Владимирович

Выбор критерия: к разработке классификации философских учений

Цель исследования - способствовать формированию научной классификации философских учений. В статье критикуются классификации философских учений по таким признакам, как самовыражение и самопознание. Показывается, что оба этих признака являются довольно поверхностными. Научная новизна заключается в том, что в качестве инструмента используется новая идея - исходным критерием искомой классификации считать эмпирически устанавливаемый факт наличия (отсутствия) в творчестве конкретного философа абсолютизации тех или иных свойств, возникающих при взаимодействии человека и мира. В результате, во-первых, осуществлена эффективная критика классификаций философских учений по признакам самовыражения и самопознания как поверхностным. Во-вторых, сформулированы следующие главные положения новой классификации. Типы философствования и их предметные области радикально разделены, каждый из двух основных выделяемых типов - возвышенно-оценочный (абсолютистский) и рационально-критический (научный) - равноценен и внутренне разнороден.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2020/9/11.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 9. С. 60-66. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2020/9/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.9.11>

Дата поступления рукописи: 20.07.2020

Цель исследования – способствовать формированию научной классификации философских учений. В статье критикуются классификации философских учений по таким признакам, как самовыражение и самопознание. Показывается, что оба этих признака являются довольно поверхностными. **Научная новизна** заключается в том, что в качестве инструмента используется новая идея – исходным критерием искомой классификации считать эмпирически устанавливаемый факт наличия (отсутствия) в творчестве конкретного философа абсолютизации тех или иных свойств, возникающих при взаимодействии человека и мира. **В результате**, во-первых, осуществлена эффективная критика классификаций философских учений по признакам самовыражения и самопознания как поверхностным. Во-вторых, сформулированы следующие главные положения новой классификации. Типы философствования и их предметные области радикально разделены, каждый из двух основных выделяемых типов – возвышенно-оценочный (абсолютистский) и рационально-критический (научный) – равноценен и внутренне разнороден.

Ключевые слова и фразы: критерий классификации философских учений; самовыражение; самопознание; предмет философии; абсолютистская философия; научная философия.

Тарасов Олег Владимирович, к. филос. н.

Башкирский государственный университет (филиал) в г. Стерлитамаке
ovtarasov@mail.ru

Выбор критерия: к разработке классификации философских учений

Как известно, не существует целостной и разносторонней научной классификации философских концепций (учений, направлений, взглядов, систем...), удовлетворяющей пусть не большинство, но хотя бы значительную часть исследователей-философов. Поэтому **актуальность** любых попыток создать такую классификацию не вызывает сомнений, по крайней мере, у тех специалистов, кто хотел бы видеть область философского творчества более упорядоченной, чем ее обычное состояние, характеризующееся множеством всяческих «измов», поспешно и поверхностно соотнесенных друг с другом на основании сходств и различий чаще всего лишь внешних признаков. Отсюда **задачи** данной статьи: во-первых (и это главное), разработать **новую** для профессионального сообщества и, надеемся, более глубокую и научно последовательную классификацию философских учений, центральным критерием которой является наличие (отсутствие) абсолютизации каких-либо свойств, возникающих при взаимодействии человека с окружающей действительностью; во-вторых, критически проанализировать две относительно недавно появившиеся альтернативные точки зрения, авторы которых предлагают классифицировать типы философствования по таким критериям, как самовыражение [6] и самопознание [13]. **Теоретическую базу** нашего исследования составляют идеи философов, в работах которых [1-5; 7-12] разрабатывается (к сожалению, недостаточно последовательно) научно-позитивистский по своему ключевому содержанию подход к определению сущности философской деятельности. **Методологической основой** исследования, определяющей и приемы нашего анализа когнитивного материала, и нашу классификационную гипотезу, мы считаем рационально-критический способ философствования, разрабатывавшийся К. Поппером и его последователями. Формируемая в ходе нашего исследования классификация представляет собой некоторый предварительный итог преодоления имеющихся у наших предшественников противоречий, и именно в этом заключается его **теоретическая значимость**.

Мы начинаем работу с решения второй намеченной нами задачи – с критики оппонентов. Первым в нашем обзоре выступает предлагаемое А. Л. Никифоровым как приобретающее «особое значение... разделение философов» по такому основанию, как манера или «стиль изложения философских идей». Избранный критерий позволяет А. Л. Никифорову говорить о двух резко (особенно «в последние 150-200 лет») различающихся способах философствования – рациональном и литературном – ориентирующихся, соответственно, на науку и искусство. Для рациональной философии (или «философии мысли») характерны следующие особенности. Первая – стремление сформулировать и выразить некоторую конкретную мысль в качестве ответа на определенный мировоззренческий вопрос, например, онтологический, гносеологический или этический. Вторая – стремление к обоснованию сообщаемой читателю мысли путем отсылок к данным науки или, чаще, путем логических рассуждений, устанавливающих связь формулируемых идей с общепринятыми положениями либо с нетривиальными решениями актуальных проблем. Третья особенность – критицизм, то есть открытость для критики со стороны коллег и стремление подвергнуть критике любую неясную или внутренне противоречивую «мысленную конструкцию», благодаря чему «уточняются и исправляются предлагаемые решения философских проблем». Вполне правомерно «наиболее характерным примером рациональной философии» А. Л. Никифоров считает «аналитическую философию XX в.», да и почти всю философию Запада до XIX века оценивает как рациональную, близкую науке. В отличие от рациональной «литературная философия» (или «философия слова»), согласно А. Л. Никифорову, является по большей части художественно-образным выражением не столько мысли, сколько какого-либо чувства. Долгое время этот стиль

философствования был маргинальным, но постепенно распространялся и в наши дни «сделался чуть ли не господствующим, значительно потеснив рациональную философию». По своему характеру литературная философия противоположна рациональному философствованию, так как художественная образность языковой формы для нее важнее мысли, оказавшейся «чем-то второстепенным, порой даже несущественным». Образно выражая не мысль, но (часто неясное) чувство, эта философия практически не допускает критического анализа и легко обходится без логической аргументации: «...она использует *внушение* вместо убеждения» и обоснования. Даже если текст литературного философа и пробуждает у читателя какие-то мысли (идеи), они настолько смутные, что «их трудно или даже невозможно высказать в явном и ясном виде». К литературному стилю А. Л. Никифоров относит «философов экзистенциалистской ориентации», приводя в пример отрывки из произведений С. Кьеркегора, Ф. Ницше, М. Хайдеггера, М. К. Мамардашвили [6, с. 265-272].

А. Л. Никифоров не только описывает выделяемые им способы философствования, но и характеризует как природу философии в целом, так и тенденции ее развития. Соглашаясь с двойственной сущностью философствования, он предпочитает помещать его не «между наукой и религией», как предлагается Б. Расселом (и многими другими, добавим от себя, например, Г. В. Ф. Гегелем, В. Дильтеем, Дж. Дьюи, Г. Г. Майоровым, А. А. Гусейновым и т.д.), а, понятное дело, «между наукой и искусством». При этом двойственность философии у А. Л. Никифорова – это все-таки не столько ее разделенность на принципиально разные (возможно, даже противоположные) стили философствования, сколько двуединство этих стилей. По его мнению, философия «никогда не ограничивалась тем, чтобы быть *только* наукой, она пыталась быть также и литературой... выражать не только мысль, но и чувства философа». Именно поэтому лучшие и «высшие образцы философского творчества» получаются тогда, когда глубокая «мысль облекается в хорошую литературную форму». Примерами таких творческих достижений выступают, по-видимому, диалоги Платона, «некоторые произведения А. Бергсона и Х. Ортеги-и-Гассета, С. Франка и Н. Бердяева, Тейяра де Шардена и Э. Ильенкова». Относительно путей (или тенденций) исторического развития философии в оценках А. Л. Никифорова преобладает пессимизм. Так, рациональный способ философствования, по его мнению, нередко вырождается в схоластически «изохренный анализ проблем», являющихся надуманными, незначительными, интересными «лишь очень тесному кругу специалистов». Литературная же философия может стать и все чаще становится (как, например, у французских постмодернистов Делеза и Лиотара) лишенной и мысли, и чувства «наглой и крикливой болтовней», совершенно неспособной ничего дать «ни уму, ни сердцу читателя». Видимо, и в том и особенно в другом случае все настолько безрадостно, что в пору с сожалением признать факт постепенного умирания философии [Там же, с. 265-266, 272-275].

Только что рассмотренное «разделение философов» можно считать лишь весьма поверхностной и, значит, искусственной классификацией философских учений, практически не помогающей определить существенные черты философии. Дело в том, что избранное А. Л. Никифоровым основание разделения способов философствования – манера или стиль философского самовыражения – представляет собой все-таки внешний и в некотором смысле случайный признак философской деятельности. Конечно, данный признак – манера самовыражения – необходимо присущ философствованию, но ведь он присущ не только ему, специфичен не только для него. Он одинаково свойствен множеству видов человеческой жизнедеятельности (если не всем им вообще), взять хотя бы приготовление обеда, разговор с коллегами или игру в футбол. Занимаясь подобными делами, любой человек осознанно или нет, но всегда, просто в силу собственной природы, социального окружения, приобретенных привычек и т.п., действует более или менее рационально четко, как и более или менее эмоционально выразительно. То есть он, даже и не собираясь философствовать, ориентируется, говоря словами А. Л. Никифорова, либо в большей степени на научное мышление, либо на художественную чувственность. А если так, то неясно, в чем состоит «особое значение» предлагаемой им дихотомии сравнительно с известными разделениями философов на материалистов и идеалистов, или монахов и плюралистов, или на какие-нибудь другие группы. Относительно сути философии такая классификация способна дать, скорее всего, лишь самые банальные «дополнительные» знания вроде тех, что философские тексты могут быть наукообразными, литературообразными и, в самых счастливых случаях, и такими и другими одновременно. Хуже, однако, то, что такая классификация способна, как нам кажется, принести немалый вред, невольно искажая реальный облик философского творчества. А именно она вносит в него путаницу, ставя в один ряд по существу далеких и разделяя на самом деле близких по духу мыслителей. К примеру, в одной группе литературно-иррациональных «философов слова» оказываются такие принципиально (вплоть до антагонизма) разные в идейном отношении мыслители, как, допустим, Августин и Ницше. Напротив, идейно достаточно близких, но стилистически очень непохожих Платона и Аристотеля, следуя логике А. Л. Никифорова, нужно противопоставлять. Мало того, если продвигаться по данному пути последовательно, то придется сказать, например, что в «Тимее» или «Государстве» философия Платона представляет собой высший синтез научной мысли и литературного слова, а в «Софисте» и «Пармениде» она выступает только в качестве чрезвычайно абстрактного научного размышления и потому страшно далека от великих образцов. Как будто и не имеет значения, что во всех этих произведениях разрабатывается одна идейная позиция, коль скоро стилистические приемы в них заметно различаются.

Такой сомнительный ход рассуждений способен привести и к весьма спорным представлениям о соотношении философии с нефилософскими формами творчества, прежде всего наукой и искусством. Ведь если лучшими образцами философствования считать те произведения, в которых их авторам удалось достичь желанного синтеза научной рациональности и литературной образности, а худшими – те, где данное стремление не реализовалось,

то о произведениях собственно научных и художественных, чьи авторы о цели единения и не думают, приходится лишь с прискорбием сокрушаться. Получается, что ученые и художники изначально оказываются в невыгодном, сравнительно с философами, положении в плане социальной значимости их творчества, как будто и наука, и искусство суть какие-то недоразвитые способы философствования. И если уж философия, согласно А. Л. Никифорову, находится в процессе медленного умирания, все более утрачивая способность к научно-художественному синтезу, погружаясь в ходе специализации во все более мелкие темы, то участь и без того уже чрезвычайно узко специализированных научных и художественных дисциплин, по данной логике, просто ужасна. Однако вряд ли напрашивающиеся однозначно плачевные выводы относительно судеб наук и искусств (для некоторых философов, возможно, лестные) эмпирически основательны и правомерны.

Авторы второй из рассматриваемых нами классификаций – М. С. Теплых и М. П. Ахметзянова – предлагают разделять философские учения по такому критерию, как роль самопознания в творчестве их создателей, как если бы те отвечали на вопрос: «Что первично в философии: субъект самопознания (как я могу измениться, чтобы открыть истину?) или субъект познания (как можно познать истину?)». Степень важности самопознания для того или иного философа как раз и определяет, к какому из трех типов (путей, направлений, методов) философствования относится его учение: практическому, теоретическому или прикладному. «Практическому философскому мышлению», в котором роль самопознания максимально значима, свойственны следующие черты. Во-первых, наибольшее познавательное внимание в его рамках уделяется не внешнему, а собственному внутреннему миру с целью его духовного «преобразования» и подготовки «для постижения истины». Во-вторых, истина здесь «открывается» человеку только тогда, когда он в результате сугубо индивидуального самопреобразования становится «способным, готовым к восприятию истины». В-третьих, практическое философствование требует от вставшего на путь самопреобразования человека обращения к особым «духовным практикам (упражнениям)» под личным руководством «Наставника (Учителя)». Данный тип философствования является древнейшим. На Востоке он представлен учениями «Упанишад» и Будды, «даосскими практиками», конфуцианством. На Западе практическое философствование выражено в сократовско-платоновской концепции, в учениях киников, Демокрита, Эпикура, скептиков, стоиков, в средневековых «практико-религиозных учениях» аскетов и мистиков, в учениях Ф. Ницше, экзистенциалистов, М. Фуко, М. Мамардашвили и других подобных мыслителей. Следующий – теоретический – тип философского мышления, в котором роль самопознания минимальна, характеризуется существенно иначе. Прежде всего, познавательный интерес в русле теоретического философствования сосредоточен на объективных законах внешнего мира (бытия), на выработке «правильных методов» получения истины о них. Далее, познание здесь осуществляется не одиночкой, а надиндивидуальным или «коллективным субъектом» «в формах общественного сознания (в науке, в философии, в искусстве, в религии и т.п.)». Наконец, принципиальное значение для теоретического подхода имеет «критическое изучение» когнитивных достижений предшественников, обнаружение недостатков и исправление их, то есть совершенствование имеющихся и открытие «новых истинных знаний». Данный тип философствования также зародился в древности и сыграл определяющую роль в дальнейшем развитии главным образом западной философии. Он представлен учениями элейтов, софистов, Аристотеля, средневековой схоластической традицией, конкурирующими в Новое время концепциями эмпиризма и рационализма и особенно учением Гегеля. Наконец, третий и последний – прикладной – тип философского мышления считается таким «последствием применения» теоретического философствования, когда само это последствие приобретает доминирующую роль. В рамках прикладного философствования сложилось отношение к философии как к важнейшей «теоретической основе» и познания, и практического преобразования объективной (в первую очередь, социальной) реальности. Прикладной тип философского мышления ярко выражен в марксизме, в учениях позитивизма, неопозитивизма и постпозитивизма, а также в постструктурализме, постмодернизме, герменевтике [13].

М. С. Теплых и М. П. Ахметзянова также связывают свою классификацию с определенным представлением о сущности философии, ее развитии и судьбе. По их мнению, философская творческая деятельность представляет собой исторически разворачивающийся процесс последовательной смены обрисованных выше типов философствования: практического, теоретического и прикладного. Данному процессу «исторического движения философии» дается двойственная оценка – и как прогрессивному, и как регрессивному. С одной стороны, развитие философии есть восхождение от «субъективности к интересубъективности, от индивидуализма к коллективизму философского мышления». С другой – оно предстает как утрата философией «своего первоначального, аутентичного смысла, отчуждение философии от человеческой субъективности, от жизненных, практических проблем конкретного человека». Причем утрата философией своей подлинности, по видимому, настолько глубока и серьезна, что даже «возникает вопрос о возвращении философии к ее истокам», хотя и диалектическом возвращении, «на качественно новом уровне» [Там же].

И вновь приходится утверждать, что рассмотренное сейчас разделение философских учений по заявленному критерию «самопознания» является довольно поверхностной их классификацией, не столько проясняющей, сколько затемняющей качественную специфику философии. Правда, типологическая схема, предлагаемая М. С. Теплых и М. П. Ахметзяновой, имеет поверхностный, случайный и искусственный характер иного рода, нежели аналогичная схема А. Л. Никифорова. Ведь в отличие от «художественности» и «научности», присущих далеко не только философскому творчеству, интерес к собственной субъективности, так или иначе соотносимой с внешним миром (объективностью), всегда был и остается интересом именно

мировоззренческим, философским. Однако действительно центральная мировоззренческая проблема соотношения «субъективного» и «объективного», к сожалению, не находит адекватного отражения ни в избранном М. С. Теплых и М. П. Ахметзяновой критерии классификации, ни, следовательно, в выделяемых ими типах философствования. Причина этой неадекватности видится нам в излишне зауженной трактовке данной весьма обширной проблематики. Но прежде чем мы будем говорить об этом главном недостатке их работы, обратимся к еще одной имеющейся у них ошибке, не столь важной, но все-таки мешающей правильному восприятию анализируемых идей. Этот второстепенный недочет связан с тем, что название и формулировка критерия классификации М. С. Теплых и М. П. Ахметзяновой – самопознание и его роль в философствовании – не соответствуют сути реально выбранного и используемого ими критерия. Судя по представленным нашими авторами описаниям выделяемых ими типов философских учений, кардинально отличаются друг от друга лишь два из них – практический и теоретический, тогда как прикладное философствование явно родственно теоретическому как своей основе. Поэтому, как и в случае с типологией А. Л. Никифорова, имеется возможность обсуждать не триаду, а дихотомию, в которой есть только два ведущих антагониста, противоположным образом отвечающих на якобы «основной вопрос» о первичности либо познания себя, либо познания мира. Далее, если пристальнее приглядеться к получающимся в результате ответов на поставленный вопрос противоположным типам философской мысли и их основным представителям, то можно заметить следующее. Принадлежность философов к конкретным направлениям философствования определяется не столько их выбором между познанием себя – субъекта и познанием мира – объекта, сколько выбором между разными способами познания (освоения, осмысления) *соотношения* этих «полюсов» – субъекта и объекта – друг с другом. В самом деле, трудно и даже, пожалуй, невозможно (абстрагируемся от патологических случаев) интересоваться собственным внутренним миром, не обращая внимания на мир внешний, не видя себя в нем, как и, конечно, наоборот. Ведь даже сами М. С. Теплых и М. П. Ахметзянова утверждают, что «субъект самопознания» должен преобразовать свой духовный мир, чтобы ему открылась желанная истина. Заметьте – не была придумана и создана самим субъектом, а *открылась* ему как, очевидно, изначально нечто внешнее, не его собственное. Поэтому ясно, что для типологических различий идея самопознания, при всей ее значимости, не есть то, что может быть поставлено во главу угла и подаваться как критерий разделения философов. А вот по-разному понимать и оценивать свое соотношение с миром, свою связь с ним, свое место (роль, значение и т.п.) в нем – это и есть тот самый краеугольный камень, тот самый коренной признак, который позволяет отличать одни мировоззрения (философские учения) от других. Собственно, именно о разных путях осмысления роли субъекта в объективной реальности и идет речь, по сути дела, в классификации М. С. Теплых и М. П. Ахметзяновой, хотя и в неудачной терминологической форме, связанной почему-то с оцениванием важности самопознания. Гораздо понятнее было бы, если бы они использовали пусть и более привычную, но все-таки более точную и более подходящую для их классификации терминологию. Так, тот тип философствования, который они неубедительно связывают с максимальной ролью самопознания и называют практическим, проще и точнее было бы назвать «иррационализмом». Соответственно, для противоположного типа (теоретического вместе с прикладным) напрашивается название «рационализм». Многие из тех философов, которые причисляются к этим направлениям, действительно вполне могут считаться и по праву считаются выдающимися их представителями – иррационалистами (даосы, мистики, экзистенциалисты...) и рационалистами (Аристотель, схоласты, Гегель...).

Теперь перейдем к основному недостатку классификации М. С. Теплых и М. П. Ахметзяновой, который главным образом и обуславливает искажение существенных черт философии и ее истории. Заключается он, повторим еще раз, в том, что их схема предполагает слишком узкий подход к возможным толкованиям роли и места «субъекта» в «объективном». Мы имеем в виду, что все многообразие философской мысли, все богатство трактовок смысла и назначения человеческой жизни в целостности мира (или трактовок соотношения субъекта и объекта) нельзя адекватно увидеть и ясно понять в рамках таких типов философствования, как «рационализм» и «иррационализм». Рамки этих направлений слишком тесны, как и, кстати сказать, рамки энгельсовых «материализма» и «идеализма». Именно по этой причине приходится искать замену марксистской типологии, а вовсе не потому, что она, по словам М. С. Теплых и М. П. Ахметзяновой, идеологизирована [Там же]. Идеологизированность, или, по выражению В. И. Ленина, «партийность», – атрибут, неотъемлемое свойство любой философской концепции, любого мировоззрения. Другое дело, что не всякая идеология может способствовать созданию научной классификации философских учений, свободной от отношения к какой бы то ни было философской методологии как «неправильной» (реакционной, бесчеловечной и т.д.). Да, марксистская идеология не способствует научному философствованию и философствованию, но и то, что предлагается М. С. Теплых и М. П. Ахметзяновой взамен, в этом плане ничуть не лучше. Ведь их симпатии явно на стороне «практической», точнее, «иррационалистической» философской мысли именно как «правильной» (не научной же), хотя прямо это не выражено. Показательно, что и в их классификации, и в марксистской к разряду «неправильных» учений (рационалистических и идеалистических соответственно) относится вся эмпирико-позитивистская традиция – от софистов до постпозитивистов. Основания отнесения, конечно, весьма разные – для иррационализма чужд любой сциентизм, хоть Поппера, хоть Гегеля, для марксизма враждебно любое неревolutionное мировоззрение, хоть Маха, хоть Далай-ламы. Однако, наряду с различиями, имеется и нечто принципиально общее. Этим общим является бескомпромиссность, способность видеть реальность, в том числе и познавательную, духовную, только в черно-белом цвете,

разделенную на «правильную» и «неправильную». Собственно, узость подхода к проблеме соотношения субъекта и объекта именно это и означает. Невосприимчивость к полутонам, к умеренным идейно-ценностным позициям, по всей видимости, и ответственна за искажения картины философского творчества – за странные сближения радикально далекого (идеи элеатов, Аристотеля и софистов, например), и столь же странные разведения принципиально близкого (идеи скептиков и эмпириков, например).

От критической части нашего исследования переходим теперь к части по преимуществу конструктивной. Научно приемлемую классификацию философских учений (доктрин, направлений и т.п.) в качестве достаточно разветвленной системы, конечно, еще предстоит создавать, но ее основные контуры представляются нам уже довольно ясно. Мы опираемся на ряд идей наших предшественников, претендуя лишь на то, чтобы обобщенно представить их смысловое содержание в более последовательном и целостном виде. Назовем некоторые из них. Например, в работах Ф. Ницше, относящихся к среднему или «позитивистскому» периоду его творчества, мы встречаем очень важную идею жесткого противопоставления, с одной стороны, метафизического, прежде всего платоническо-христианских, и, с другой – научно-философских воззрений, одинаково значимых для человека и неспособных смешиваться. Другая многообещающая его идея состоит в определении, может быть, не совсем строгом, но достаточно ясном, предмета научной (исторической, в его терминологии) философии, каковым является «история понятий и преобразования понятий». Ф. Ницше отличает данный предмет – понятия и их преобразования – от предметной области метафизического философствования – «абсолютного» (бытия, знания, добра и т.п.) [7, с. 651-652; 8, с. 241-243, 374, 483-484, 793-794]. Нечто аналогичное можно найти и у В. Дильтея. В частности, он говорит о наличии типов философии, обусловленных ее двойственностью, то есть обращенностью, с одной стороны, к религии, с другой – к науке. Первый тип – «материалистический или натуралистический», переходящий при достаточном уровне критичности в позитивизм, второй – «объективный идеализм», третий – «идеализм свободы». При этом Дильтей, что весьма существенно, прямо указывает на ближайшее эмоционально-ценностное родство идеалистических типов философствования как друг с другом, так и с религией, а также на «недостаточность», по сути, неэффективность и бесперспективность «понятийной работы» в религиозно-метафизической области, несмотря ни на какие «усилия схоластики» [4, с. 51, 92-93, 97-98, 116, 118-121]. В свою очередь, Х. Ортега-и-Гассет обогащает идею разграничения типов философского мышления, противопоставляя такие типы философствования, как, с одной стороны, склонные к религиозному догматизму «релятивизм» и «рационализм» в трех исторических модификациях, с другой – позитивистски ориентированное мировоззрение. Если релятивизм отрицает разум и истину ради «спасения жизни», то рационализм, господствующий еще с античной эпохи, напротив, «отрицает жизнь для спасения истины», разума и культуры. Последний же тип представляет собой формирующееся между двумя первыми (крайними) типами срединное мировоззрение, как бы «синтез» их абсолютистских позиций – «жизнь должна быть культурной, но и культура обязана быть жизненной» [9, с. 12-13, 20, 22, 27, 29, 34-36, 45-49]. Подобную идею противостояния позитивистского философствования двум типам философской мысли – рациональному и иррациональному – высказывают также современные исследователи Ю. Н. Солонин и А. В. Перцев [10, с. 117, 119-123, 125-131; 12, с. 31-37]. Наконец, отметим еще одну разновидность данной идеи – противопоставление научной философии неопределенному множеству ненаучных философских учений [5; 11].

Несмотря на бесспорную важность этих идей для создания научной классификации философских направлений, их роль видится нам все-таки существенно ослабленной тем, что высказываются они бессистемно и непоследовательно. Никто из авторов указанных выше идей, к сожалению, не озаботился их методичной разработкой. Ф. Ницше, как известно, довольно быстро разочаровался в них и перешел на враждебные им мировоззренческие позиции «сверхчеловека», кардинальной «переоценки вечных ценностей» и т.д. В. Дильтей одновременно с жестким противопоставлением взаимно чуждых типов философствования заявляет о перспективе достижения развивающейся *цельной* (курсив наш. – О. Т.) философской мыслью «исторического сознания», якобы способного преодолеть ограниченность любых мировоззрений [4, с. 48-50, 52-53, 122-124, 128-133]. Х. Ортега-и-Гассет связывает позитивистский тип философии не с компромиссом между абстрактными идеалами релятивизма и рационализма, а с гармоничным суммированием всех без исключения точек зрения, будто бы приводящим к «всеобъемлющей и абсолютной истине» [9, с. 49]. Ю. Н. Солонин почему-то только иррационализм считает творческой и концептуально богатой философией, а для А. В. Перцева по непонятной причине иррационализм – единственное личностное философствование, имеющее значение для индивидуальной человеческой жизни [10, с. 127; 12, с. 37]. Вероятно, всех этих противоречий можно было бы избежать, если бы авторы анализируемых идей опирались на четко сформулированный критерий предлагаемых ими, в общем-то, более-менее близких по духу классификаций. Восполним же образовавшийся пробел.

Итак, в качестве основного критерия распределения философских учений по типам или направлениям мы предлагаем эмпирически фиксируемый факт наличия (отсутствия) абсолютизации какого-либо свойства, возникающего при взаимодействии общезначимых и личностных аспектов действительности. Такой критерий, с одной стороны, отражает коренную специфику философии как мировоззренческой деятельности, обязательно устанавливающей то или иное соотношение между человеком и миром (субъектом и объектом). С другой стороны, он позволяет выделять на самом деле принципиально разные способы философствования, являющиеся абсолютистскими или нет. Опираясь на него, мы получаем следующую картину. Во-первых, философское мышление осуществляется в виде двух радикальным образом различающихся типов – возвышенно-оценочного (абсолютистского) и рационально-критического (научного). Конечно, в конкретных мировоззренческих высказываниях многих философов часто встречаются причудливо переплетающиеся

противоположные способы философствования. Например, у схоластов и эклектиков, сознательно или нет. Но уже Дильтей, как мы помним, совершенно верно указывал на бесполезность научной «понятийной работы» в сфере религиозно-метафизических абсолютов. Не забудем также и справедливые слова М. Вебера о необходимости четко «различать знание и оценочное суждение»; и если упрямо «пытаться объединить две указанные сферы, будет нанесен урон специфическому достоинству каждой из них» [2, с. 353; 3, с. 559]. Во-вторых, абсолютистское философствование непосредственно связано с подобным религиозной вере убеждением в том, что какие-либо аспекты окружающей действительности или собственной человеческой жизни имеют наивысшее, безусловное значение для человека и потому достойны быть предметом философской мысли. Научное философствование, в свою очередь, неотделимо от стремления к критическому и самокритичному исследованию мировоззренческой (смысложизненной), то есть связанной с отношением человека и «абсолюта» (мировой либо собственной целостности, всеобщности, предельности...), проблематики: как соответствующие вопросы ставились и ставятся, как и с какими последствиями решались, решаются и могут решаться. По Веберу, научная (социальная, в его терминологии) философия – это только средство «дать человеку знания, которые помогут ему понять значение того, к чему он стремится», иначе говоря, средство, состоящее «не только в том, чтобы способствовать пониманию... целей и лежащих в их основе идеалов, но и в том, чтобы научить критически судить о них» [2, с. 349]. В-третьих, выделяемые типы философствования – абсолютистский и научный – должны рассматриваться в качестве равноценных как в своем достоинстве, так и в своей ограниченности. По замечанию Вебера, всем необходимо честно «признавать неудобные факты» [1, с. 725]. Ведь очевидно, что первому типу фатально недостает научно-эмпирической последовательности и обоснованности – преимуществ второго; второму, столь же неотвратимо, – возвышенной безмятежной одухотворенности, то есть особых привилегий первого. Всем философам приходится платить одинаково высокую цену за обретение своих идеалов и прохождение своего пути. В-четвертых, оба выделяемых типа философствования неоднородны. Так, используя более узкие критерии, в рамках абсолютистского направления можно выделить, по меньшей мере, четыре формы философствования. Первая – субстанциализм (Платон, Аристотель, Фома Аквинский, Декарт, Спиноза, Лейбниц...). Вторая – прогрессизм (Кондорсе, Гегель, марксисты, Федоров, Циолковский...). Третья – антисциентизм (Шеллинг, Шопенгауэр, Бергсон, Хайдеггер, Шестов...). Четвертая – антисубстанциализм (Ницше, Рорти, Делез, Гваттари...). Конечно, кроме этих относительно четко проявившихся форм, в истории абсолютистского мышления есть и могут появиться другие формы, но все они имеют и будут иметь эклектичный характер, сочетая в себе в той или иной мере какие-либо из идей или даже весь идейный спектр указанных форм. Да и сами вышерассмотренные формы тоже, в общем-то, эклектичны, поскольку соединяют различные идеи: субстанциализм, рационализм и прогрессизм (Гегель, марксизм) или субстанциализм, иррационализм и прогрессизм (Бергсон) и т.д. По-видимому, такая «органическая» сочетаемость различных фундаментальных идей – это специфическая особенность абсолютистских доктрин. Ведь в «высших сферах», не достижимых для контролирующих наши фантазии эмпирических проверок, все совмещается со всем достаточно легко и безболезненно. Как бы там ни было, все философы-абсолютисты приписывают абсолютный статус предмету философии, будь он вечным разумным бытием, или прогрессивно одухотворяющейся материей, или спонтанным жизненным порывом, или социально-этическим творчеством самого философа, или (в разновидностях) чем-то подобным. В русле же научного философствования выделяются, прежде всего, тематические разновидности (само собой, есть они и у абсолютистов, но, очевидно, не на переднем плане). Главными из них традиционно, начиная с античных софистов, являются эпистемология (Мах, Вебер, Карнап, Поппер, Патнэм...) и социально-этическая философия (Милль, Вебер, Поппер, Берлин...). Научное философствование в любой области, повторим еще раз, – это научно-критический (историко-критический) анализ тех концепций, где есть мировоззренческая (смысложизненная) проблематика, то есть какое-либо отношение человека и «абсолюта». При этом последний берется лишь в качестве интересной и важной проблемы (проблематичного, в силу многозначности, понятия), но не подлинной внеэмпирической реальности.

В виде кратких **выводов** сформулируем основные итоги исследования. В качестве метода, призванного способствовать созданию научной классификации философских учений, используется новая идея – исходным критерием искомой классификации считать эмпирически устанавливаемый факт наличия (отсутствия) в творчестве конкретного философа абсолютизации тех или иных свойств, возникающих при взаимодействии человека и мира. С опорой на данную идею получены следующие результаты. Во-первых, осуществлена эффективная, как мы надеемся, критика классификаций философских учений по таким признакам, как самовыражение и самопознание. Показывается, что оба признака являются довольно поверхностными. Первый из них недостаточно специфичен для такой деятельности, как мировоззренческая (философская), а второй слишком узок и не отражает всего разнообразия философского творчества. Во-вторых, сформулированы следующие главные положения новой классификации. Типы философствования и их предметные области радикально разделены, каждый из двух основных выделяемых типов – возвышенно-оценочный (абсолютистский) и рационально-критический (научный) равноценен и внутренне разнороден. Разнородность абсолютистского типа (взаимное противостояние его внутренних форм) имеет, прежде всего, мировоззренческий характер, научного типа – тематический.

Список источников

1. Вебер М. Наука как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем.; сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденко. М.: Прогресс, 1990. С. 707-735.
2. Вебер М. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания // Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем.; сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденко. М.: Прогресс, 1990. С. 345-415.

3. Вебер М. Смысл «свободы от оценки» в социологической и экономической науке // Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем.; сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайдено. М.: Прогресс, 1990. С. 547-601.
4. Дильтей В. Сущность философии / пер. с нем. под ред. М. Е. Цельтера. М.: Интрада, 2001. 159 с.
5. Никифоров А. Л. Природа философии: основы философии. М.: Идея-Пресс, 2001. 168 с.
6. Никифоров А. Л. Стили философского мышления // Личность. Культура. Общество. 2010. Т. 12. № 4 (59-60). С. 265-276.
7. Ницше Ф. Веселая наука // Ницше Ф. Сочинения: в 2-х т. М.: РИПОЛ классик, 1998. Т. 1. С. 489-716.
8. Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое. Книга для свободных умов // Ницше Ф. Сочинения: в 2-х т. М.: РИПОЛ классик, 1998. Т. 1. С. 233-488, 793-794.
9. Ортега-и-Гассет Х. Тема нашего времени // Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? М.: Наука, 1991. С. 3-50.
10. Перцев А. В. Государство и философия // Философия обществу / под ред. Б. В. Маркова, Ю. М. Шилкова. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2007. С. 117-131.
11. Рахматуллин Р. Ю. Философия как наука [Электронный ресурс]. URL: http://journal.bsau.ru/directions/09-00-00-philosophical-sciences/index.php?ELEMENT_ID=324 (дата обращения: 20.07.2020).
12. Солонин Ю. Н. Феноменология любительства и маргиналы в философии // Философия обществу / под ред. Б. В. Маркова, Ю. М. Шилкова. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2007. С. 15-37.
13. Теплых М. С., Ахметзянова М. П. Самопознание как критерий классификации философских учений [Электронный ресурс]. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/90PDMN617.pdf> (дата обращения: 20.07.2020).

Choice of Criterion: Developing a Classification of Philosophies

Tarasov Oleg Vladimirovich, PhD
Sterlitamak Branch of Bashkir State University
ovtarasov@mail.ru

The study aims to facilitate formation of a scientific classification of philosophies. The article criticises classifications of philosophies with reference to such characteristics as self-expression and self-knowledge. The author demonstrates that both of these characteristics are rather superficial. Scientific novelty of the research lies in the fact that a new idea is used as a tool: to consider an empirically ascertainable fact of certain properties absolutisation resulting from interaction between a man and the world present (absent) in creative work of a particular philosopher as a reference criterion of the sought classification. As a result of the study, first, effective criticism of classifications of philosophies referring to characteristics of self-expression and self-knowledge as being superficial is given. Second, the following principles of a new classification are formulated. Types of philosophising and their subject areas are fundamentally separated, each of the two main identified types – high evaluative (absolutist) type and rationally critical (scientific) type – is of equal worth and intrinsically heterogeneous.

Key words and phrases: criterion for classification of philosophies; self-expression; self-knowledge; subject matter of philosophy; absolutism; scientific philosophy.